

Что нам забытые слова?

Вячеслав Пьещух: «Я целовал руку, которая стирала смертную рубашку Чехова»

Людмила Семина

Одна из последних работ писателя Вячеслава Пьещуха – эссе «Забытые слова». Он рассуждает о таких исчезающих понятиях, как честь, совесть, Родина, интеллигент. В предлагаемом вашему вниманию интервью пойдет речь о том, в каких жизненных декорациях творит сам писатель.

Вячеслав Алексеевич, что еще кроме синодика «Забытые слова» было вами опубликовано в последнее время?

– В 10 номере «Октября» опубликована повесть «Путешествие по моей комнате». Это перепев очень известного сочинения генерала Ксавье де Местра, французца, который в XVIII столетии написал прелестную повесть «Путешествие вокруг моей комнаты». Может быть, по-французски это нормально звучит, а по-русски – не совсем. Поэтому я поменял предлогу. У меня есть целый жанр, что ли, – правда, не думаю, что я первооткрыватель этого, – который можно окрестить как плагиат. Если, Бог даст, издательство мне предложит напечатать очередную книжку, я пазову ее «Плагиат». Потому что у меня набралась целая масса вещей, то что сейчас называют «ремейки». А я называю это откровенней – плагиат. Я беру фразу, идею какого-то произведения, как правило, весьма широко известного, а потом на современном материале и с совершенно другой задачей переделываю. Так у меня есть масса рассказов Чехова, вплоть до «Крыжовника», который вышел, по моему, в «Знамени» в начале этого года. И «Детство. Отрочество. Юность», которые будут опубликованы в «Вестнике Европы».

Вячеслав Пьещух: «Я во второй части жизни приобщился к сельскому хозяйству и очень этому рад».

дел, мучился за столом, думаю, как же жить дальше, что же дальше делать. И это тяжело переживаю, это редчайший случай, когда я проस्ताю. Я сразу чувствую себя беспомощно, не на своем месте. Ну, может быть, пройдет, Бог даст.

– Книжки пишется море, а писателей настоящих не так уж много. Но давайте поговорим о приятном. Вы быт свой хорошо устроили. Дом в деревне есть, и теперь у вас появилась замечательная квартира, мы сидим в вашем писательском кабинете.

– Ну уж давайте по пунктам. Во-первых, это нормально и вечно, что книги пишется много, а писатель мучился за столом, думаю, как же жить дальше, что же дальше делать. И это тяжело переживаю, это редчайший случай, когда я проस्ताю. Я сразу чувствую себя беспомощно, не на своем месте. Ну, может быть, пройдет, Бог даст.

новал, но и не бедствовал. Другое дело, что у меня действительно черное подобие кабинета появилось. Десять лет тому назад в деревенском доме сам переделывал чердак в кабинет, построил книжные полки, а в Москве у меня кабинет появился только в прошлом году, когда мы с женой переехали в новую квартиру.

– Расскажите о картинах, которые вы себе для кабинета выбрали.

– В большинстве случаев картины выбраны не мной, а судьбой – это подарки моих друзей. Вот у меня есть натюрморты Сережи Шерстюка, царство ему небесное, прекрасный художник, родоначальник нашего гиперреализма, который представлял им все права экранизации. Хотя зачем французам нужна эта экранизация, совершенно непонятно! С ними договориться в общем-то не удалось, у нас ничего не вышло.

– А почему у вас на письменном столе не компьютер стоит, а пишущая машинка?

– Дело не в том, что я принципиальный ретроград. Технология моего литературного производства не позволяет мне иметь компьютер никак, потому что я обязательно работаю с листом, с бумагой. У меня и поля работают, и обратная сторона бумаги. Я представил себе, что вот на компьютере и на дисплее я не могу сделать всего того, что я делаю на машинке. Еще иметь кроме всего прочего и блокнот – запутаюсь наверняка: у меня стрелочки, у меня векторы, напучивания, что, куда, к какому слову, какая запятая чему принадлежит.

– А на компьютере не хотите?

– С удовольствием бы перешел – технология не позволяет. А технология сложилась в те времена, когда все писатели, вернее, прогрессивная часть писателей ра-

ботала на пишущих машинках, а ретрограды писали рукой.

– В этом смысле ретроградом был писатель Виктор Астафьев. А нынче все работают на компьютере. Открываешь раздел «синонимы» – все под рукой.

– У меня своих синонимов – девять некуда. А напротив меня на полочке, где стоит настольная лампа, миниатюрная статуя Льва Николаевича Толстого, это работа Бродского, очень серьезный скульптор. И несколько фотографий. Ну, я не американец, и поэтому у меня нет этого культа фотографий на рабочем столе, но эти уж больно родные. Вот группа из трех господ: это Марк Розовский, мой друг, главный режиссер театра «У Никитских ворот», ваш покорный слуга и Владимир Абдрашитов, кинорежиссер, мой большой приятель. Дальше – моя жена Ирина в ее лучшие годы, она писаная красавица на этой фотографии. А по середине мой портрет с Софией Станиславовной Пиллявской, которую я имел счастье еще заставить в живых. Это чудная актриса, едва ли не последняя из мотыган нашей великой школы Станиславского и Мейерхольда, одна из старейших актрис Московского академического художественного театра, человек удивительной культуры. Эта женщина доказала мне, что ис-

то совсем близко: целую руку у Софьи Станиславовны, я целовал руку, которая стирала смертную рубашку Чехова. Она мне сама рассказывала, что Книшпер-Чехова (они же в одном театре служили) уже старенькая попросила ее постирать смертную рубашку Антона Павловича, поскольку ей уже было не под силу.

– Сегодня ваши сочинения воспринимаются как классика.

– На самом деле я просто традиционалист, исповедующий известные ценности и известную методику литературного труда. И это еще зависит от характера дарования и просто от человеческого характера. Я уверен в себе, я самодостаточен, ну, во всяком случае, мне так представляется. И мне никакие костыли не нужны, никакие подпорки. Мне не нужно телевидение, мне не нужна какая-то группировка, которая бы меня поддерживала. Писательство – дело оптимистическое.

– Многие отвлекает?

– Да не отвлекает, вторая половина дня все равно свободная всегда. Но это все не нужно. Если соберется выпить – можно просто с друзьями. У меня вот друг, мой старейший друг Аркаша Чулков, он грузовики продает, раз в полгода грузовик продает – и очень доволен, считает себя предпринимателем. Вот тогда мы с ним соберемся, выпьем, и ничего нам не надо. А литературу делать надо, главным образом сидючи в своей келье и не особенно суетясь.

– Ваша жена Ирина – искусствовед, часто посещаете с ней выставки?

– Даже чаще, чем мне этого хотелось бы. Это все-таки нагрузка: выпивать приходится гораздо чаще, чем в 57 лет позволяет нормальный мужской организм. Во вторых, все-таки одни и те же рожи. Хотя и милые, хоть и родные, бесконечно любимые, но одни и те же. Если принять во внимание, что два вернисажа выпадает на неделю, то этого уже достаточно. Ведь это не считая еще литературных вечеров, на которых нельзя не быть. Допустим, друг устраивает вечер поэзии – ну как не прийти? Насколько знаешь его стихи, его самого как облупленного, но не прийти нельзя. И поэтому жизнь такая внешняя. И довольно беспутная. И чрезмерно насыщенная. А хотелось бы поспо-

копаться, и все это прекрасно знают, так что обязательно общение происходит под вино. В лучшем случае сухое, хорошее, в худшем случае – русское хлебное.

– Говорят, вы там и чтения литературные устраиваете за круглым столом.

– Более-менее регулярно действительно устраиваем, поскольку трое – члены Союза писателей. Конечно, критическое количество на такой квадратный метр, но мы очень часто собираем друзей и читаем, что кто-то только-только написал. Бывает занятию, бывает даже тепло и очень-очень интересно. То есть и в деревне происходит почти светская жизнь, мало отличающаяся от городской, только гораздо ближе в гости ходить.

– А классику читали вслух этим летом?

– Этим балуются Холмогоровы. Они друг другу читают. То они читают «Героя нашего времени», то «Онегина» с комментариями к Онегину. А мы с Ирой классики вслух не читаем. Правда, я ей читаю абсолютно все, что я пи-

шью и употребляю три раза в день, растет у меня в трех метрах от моего кухонного стола. Выращиваю кабачки – они в наших краях всегда поздние и не очень вкусные. Поэтому кабачки мы всегда солим. Всегда выращиваем морковь. Три ведра нам хватает на зиму.

Выращиваю черные русские бобы, огромные такие ле-

Непонятно. Вдруг такие перепалды случаются, что летит вся техника.

– А вы не можете такое письмо сотворить Чубайсу, чтобы он в вашу деревню особое, совершенное электричество провел?

– Ну что ему Пьещух! Это царская Россия уважала свою литературу, своих писателей. Боль-

Литературу делать надо, главным образом сидючи в своей келье и не особенно суетясь

пешки. Темно-темно фиолетового цвета. Их, может быть, и можно купить на рынке, но я не видел. Нет вкуснее супа, чем суп из этих бобов. Вот то, что мы выращиваем. Не скажу, что это требует больших усилий. Газон у меня больше отнимает време-

шевики их боялись откровенно, а нынешние – презирают.

– Ну и коль перешли на литературу, расскажите о вашей последней вышедшей книге.

– Последняя моя книжка «Избранные рассказы» вышла очень незначительным тиражом – не

С писателем Евгением Поповым.

шью, с первой до последней строки. Мне всю жизнь этого не хватало, моя первая жена была прелестный человек, но она была так далека от литературы, как я от гомосексуализма. И никогда я ей ничего не читал, потому что чувствовал абсолютное отсутствие интереса, к сожалению. Вот такие дела. А за это лето я не так много написал – всего лишь повесть и пять-семь небольших рассказов. Это все-таки не очень большая выработка. А может быть, и не нужно писать, вот Никита Сергеевич лет двадцать тому назад сказал: «Да брось ты, Пьещух, ты давно все написал».

– Да нет, только что читала ваш синодик «Забытые слова» и опять – замечательно, забавно и поучительно. Кстати, за письменным столом, как вы сами рассказали, перестраиваете все вокруг. А вы что в деревне поделяете?

– Я во второй части жизни приобщился к сельскому хозяйству и очень этому рад, потому что я крестьянин по происхождению – по линии одной бабушки и по линии другой бабушки. Поэтому, конечно, генетически во мне любовь к земле, к крестьянскому труду какая-то есть. И у меня вот, к счастью, появилась иной половиной жизни возможность эту генетику проинтернить. Да, действительно подтвердилось. Я с удовольствием копаюсь в земле. У нас двенадцать одна сотка, но огород миниатюрный. У нас большой газон, который я облизываю на протяжении полугода вот уже в течение 11 лет. Мы выращиваем то, что купить либо затруднительно, либо невозможно. Одно время я пытался выращивать спаржу. Из этого ничего не вышло, потому что преобразовать русскую цветочную спаржу в спаржу столовую оказалось решительно невозможно. Очень прочный сорт.

Я вот выращиваю картошку, которую, конечно, очень легко купить в селе, но гораздо удобнее когда этот корнеплод, кото-

столько книга, сколько благодарности писателю за то, что он есть. Она очень красиво сделана вместе с прекрасным художником-графиком Алексеем Ганушкиным. Там изумительной красоты графические работы. Весь тираж сгорел во время пожара в Манеже. Единственный экземпляр у меня стоит. Но это не первый случай. У меня есть книжка, которая называется «Циклы». Она вышла тиражом 40 тысяч экземпляров, 20 из них съели мыши на складе. Надо заметить, моя книжка там была не единственная. Съели только мою. Калорийная литература!

В тверской деревне с собакой Кити.

Фото из личного архива Вячеслава Пьещуха

Жизнь такая внешняя. И довольно беспутная. Потому мы и сбегает в деревню на полгода

ботала на пишущих машинках, а ретрограды писали рукой.

– В этом смысле ретроградом был писатель Виктор Астафьев. А нынче все работают на компьютере. Открываешь раздел «синонимы» – все под рукой.

– У меня своих синонимов – девять некуда. А напротив меня на полочке, где стоит настольная лампа, миниатюрная статуя Льва Николаевича Толстого, это работа Бродского, очень серьезный скульптор. И несколько фотографий. Ну, я не американец, и поэтому у меня нет этого культа фотографий на рабочем столе, но эти уж больно родные. Вот группа из трех господ: это Марк Розовский, мой друг, главный режиссер театра «У Никитских ворот», ваш покорный слуга и Владимир Абдрашитов, кинорежиссер, мой большой приятель. Дальше – моя жена Ирина в ее лучшие годы, она писаная красавица на этой фотографии. А по середине мой портрет с Софией Станиславовной Пиллявской, которую я имел счастье еще заставить в живых. Это чудная актриса, едва ли не последняя из мотыган нашей великой школы Станиславского и Мейерхольда, одна из старейших актрис Московского академического художественного театра, человек удивительной культуры. Эта женщина доказала мне, что ис-

можно даже сказать – эмигрировали в тверскую деревню на полгода. Но, как показала практика, и там спасения нет, потому что кругом поселились такие люди прелестные, что не общаться с ними было бы расточительно и грешно. Там жил великий скульптор Витя Думанян, царство ему небесное. Он умер в этом году. Там живет прекрасный скульптор Саша Семинин с очаровательной женой, доктором физико-математических наук Танечкой Семининой, умнейшей из женщин, которых я когда-либо встречал. Там живут милейшие иностранцы, например Вероничка Блумштедт, предприниматель из Финляндии, хотя она наполовину русская, наполовину англичанка и при этом финка по паспорту. Там живет Миша Холмогоров, мой близкий товарищ, отличный писатель, его жена Алена Холмогорова, тоже писатель. Она кроме всего прочего еще и ответственный секретарь нашего толстого художественно-литературного журнала «Знамя». И, в общем-то, еще множество очаровательных людей. А поскольку нас разделяют максимум полкилометра, минимум 30 метров, то есть буквально до забора, то общение тесное, ежедневное и очень насыщенное. Ну и как тут без вина? Русский человек слаб, надо

Новые деревенские посиделки.

– «В предчувствии октября» – тоже из этого ряда?

– Это совсем другой жанр, навеянный той простой догадкой, что современная наша буржуазия по примеру своей предшественницы, русской буржуазии начала XX столетия, тоже своими руками вьет себе удавку. Глубочайшее мое убеждение!

– А над чем вы сейчас работаете?

– А я не работаю сейчас, я мучаюсь! Потому что как-то исчерпался запас тем, запас задач, и вот сейчас начал было я такое огромное эссе, даже скорее лекцию, а может, даже курс лекций под общим названием «Облик и происхождение русской цивилизации». Пока никак не получается, поэтому сегодня решил бросить, а что дальше делать – неизвестно. Сегодня целый день си-

телей мало. Это всегда было так. И вообще в XIX веке, в эпоху, скажем, Гоголя, Льва Николаевича Толстого, Федора Михайловича Достоевского все-таки самым известным писателем был Алексей Кассиров. И самым читаемым, и самым тиражным. Это нормально. Что касается иерархии ценностей, то, думаю, во времена Пушкина культурные люди – правда, их всегда ничтожное меньшинство – прекрасно понимали, что именно он первый писатель России. Другое дело, что он ни одного своего тиража не распродал. Ни одного, особенно в последние годы, когда резко падал тираж «Современника».

Второй пункт: я всегда был благополучным человеком и работником, то есть я никогда не жировал, никогда не благоденст-

лизма. Тут работы Толи Слепышева, Тани Назаренко, которую я очень люблю и по-человечески, как художника.

– А у вас ведь и небольшая коллекция холодного оружия есть.

– Да. Причем все это благоприобретенное. И две подделки: пишущий стол и меч левой руки, японский, его мне подарил Никита Михалков, у нас с ним был одно время роман, в самом лучшем, творческом, смысле слова. Он мне его привез из Японии.

– В чем выразался ваш роман?

– Никита Сергеевич пытался поставить по моей повести «Новая московская философия» фильм, это не удалось по чисто техническим обстоятельствам. Я по своей безграмотности и глупости подписался с французами дого-